

04.04.24

ПУШКИ СЛЫШНО ЛУЧШЕ

Вопрос о системе европейской безопасности «выкипел» до своей жёсткой реалистской основы: где пройдёт линия между Россией и НАТО? Европа, как и весь «коллективный Запад», считает, что эта линия должна пройти по восточной границе бывшей Украинской ССР, а Россия – что по западной. Весной 2024 года можно уверенно говорить, что Запад не смог, как хотел, нанести поражение России и теперь озабочен тем, чтобы она «не победила». Значит, в дальнейшем, на годы вперёд, безопасность в Европе будет определяться балансом сил вдоль линии соприкосновения России и НАТО. И Россия сделает всё, чтобы этот баланс поддержать.

Противоречия между Россией и Западом, помимо причин материальных, питаются и различием во взглядах на природу международной политики: реалистское видение с российской стороны, либеральное – с западной. Об этом **говорилось** не раз. В дискуссии о европейской безопасности также сталкиваются различные и непримиримые мнения. С российской стороны – реалистское требование не приближать враждебную (раньше – потенциально, ныне – реально) западную военную инфраструктуру к российским границам, не превращать соседей России в плацдарм для нападения на неё. С западной стороны – набор слов о «ценностях», которым «должна соответствовать» Россия, чтобы с ней вообще стали разговаривать. С одной стороны, европейская безопасность как баланс сил и равная для всех система гарантий в определённом географическом пространстве. С другой – «европейская безопасность» как принадлежность к какому-то престижному клубу («саду» Жозепа Борреля), куда пускают только на своих условиях. В глазах России расширение НАТО и так называемое «продвижение демократии» было враждебным актом, дестабилизирующим континент. В глазах Запада, и особенно Евросоюза, это было географическим расширением области кантианского «вечного мира». Попытки договориться, основанные на частичном признании за Россией права иметь собственные озабоченности, вызывали у многих на Западе **ярость**.

Известно, что уязвимость некоторых теорий международных отношений вызвана ограниченностью того набора фактов, на который они опираются. Это касается, например, дискуссии о полярности в международной системе, где часть авторов судит о перспективах глобальной системы международных отношений на основе закономерностей, **обнаруженных в европейской истории**. Есть немало теорий по поводу отношений России и Европы, из которых **следует**, что европейская международная динамика была определяющей для российской внешней политики и даже российского самосознания. Теории эти, однако, сформулированы на историческом материале эпохи, когда европейская политика была синонимом политики мировой.

Для России тогда «быть в Европе» означало попросту быть в качестве субъекта

международных отношений. Но европейская политика давно перестала быть эквивалентом мировой. Для России в своё время было важно быть в Европе (точнее – с Европой) по экономическим и культурным причинам. Ныне таких причин нет.

Чтобы покончить с затянувшимся теоретическим вступлением, нужно сказать и о понятии «признание». Теория международного статуса даёт **интересные академические результаты**, но пока слишком неточна, чтобы делать её основой каких бы то ни было практических выводов. «Россия должна (или не должна) быть признана великой державой со стороны Европы/Запада», «Россия должна (или не должна) играть легитимную роль в европейской системе безопасности», – помилуйте, что это означает? Россия была и остаётся легитимным участником европейской системы безопасности хотя бы по факту своей пока ещё принадлежности к ОБСЕ. Искать какую-то дополнительную легитимность значит соглашаться, что высшей инстанцией, такую легитимность предоставляющей, является Запад, а это противоречит и здравому смыслу, и базовому положению международного права о равноправии государств. На практике разговоры о «признании» России в том или ином качестве или статусе представляют собой либо глубокое заблуждение, либо сознательный обман, когда в обмен на красивые слова хотят получить материальные уступки.

24 февраля 2022 года дискуссия о европейской безопасности была прекращена явочным порядком. Европа самоопределилась как сообщество враждебных России государств (исключения в виде Венгрии и Словакии имеются, но на ЕС в целом они мало влияют). Экономические, политические и прочие связи европейских государств с Россией сведены к минимуму. Вопрос о системе европейской безопасности «выкипел» до своей жёсткой реалистской основы: где пройдёт линия между Россией и НАТО? Европа, как и весь «коллективный Запад», считает, что эта линия должна пройти по восточной границе бывшей Украинской ССР, а Россия – что по западной.

Весной 2024 года, хотя конкретный исход вооружённого противостояния неясен, можно уверенно говорить, что Запад не смог, как хотел, нанести **поражение** России и теперь озабочен тем, чтобы она «**не победила**». Значит, в дальнейшем, на годы, если не десятилетия, вперёд, безопасность в Европе (в географическом смысле этого понятия – а другой смысл России нерелевантен) будет определяться балансом сил вдоль линии соприкосновения России и НАТО. И Россия сделает всё, чтобы со своей стороны этот баланс поддержать и тем самым обеспечить свою безопасность. Необходимая нам победа на Украине, увеличение численности Вооружённых сил, наращивание оборонной промышленности, размещение войск и вооружений на западных рубежах при быстром экономическом и технологическом развитии – вот наш вклад в формирующуюся систему европейской безопасности. Можно ли будет когда-нибудь говорить о мерах доверия, снижении риска инцидентов, сокращении потенциалов? Конечно, на взаимной основе. Требование привести военную инфраструктуру НАТО в Европе к состоянию 1997 года Россия не снимала. В начале 2022 года наших аргументов не хватило. Посмотрим, хватит ли их в будущем.

По-видимому, в украинском кризисе однажды вновь возникнет перспектива содержательных переговоров. Важно не нести в эту перспективу слова и понятия, лишённые смысла, или, хуже, созданные для того, чтобы скрывать смысл. Одно из таких слов – многовекторность. Если речь о том, что государства могут свободно строить отношения с другими государствами по всей планете – это тривиально и, кажется, бесспорно. Если они выбирают стать военным плацдармом для враждебных

действий против своих соседей со стороны третьих стран (как **выбрала Украина** в 2014 году), чего удивляться, что соседям это не нравится? А иллюзия, что Украина будет сближаться с Евросоюзом, а Россия оплатит счёт за эту свадьбу, должна была развеяться у здравомыслящих людей ещё до последнего государственного переворота в Киеве.

Статус Украины – вопрос важный, и, если переговоры состоятся, он, вероятно, будет лежать на столе. Возможны варианты от международных гарантий демилитаризации и постоянного нейтралитета (как это обсуждалось два года назад в Стамбуле) до простого международно-правового оформления фактически установленного на территории бывшей Украинской ССР порядка. Но любому потенциальному контрагенту России по таким переговорам должно быть понятно: Россия заинтересована не в определении украинского статуса вообще, а в том, чтобы этот статус исключал членство Украины в военных блоках, к которым Россия не принадлежит, любое военное сотрудничество Украины с третьими странами, любые территориальные претензии к России.

Уместен также вопрос: а о чём мы говорим, когда говорим об Украине? Чей статус будем определять? Украинская государственность дисфункциональна. В 2022 году только помощь Соединённых Штатов, учтённая в качестве таковой в американской бюджетной статистике (а это далеко не весь объём помощи, полученной Украиной от США), равнялась почти 40 процентам расходной части украинского государственного бюджета. С тех пор соотношение поменялось не в пользу украинского бюджета. Украинская государственность сейчас оплачивается извне. Нельзя считать это следствием одних только военных действий последних двух лет. Украина ещё десять лет назад умудрилась стать одной из беднейших стран постсоветского пространства. **Беднее Грузии**, почти не имеющей промышленности и пережившей за постсоветское тридцатилетие четыре вооружённых конфликта, включая гражданскую войну с боевыми действиями в столице. Украинские власти задолго до 24 февраля 2022 года приняли курс на дискриминацию миллионов своих граждан по признаку родного языка и конфессиональной принадлежности. Потенциальных партнёров по будущим переговорам уместно спросить уже сейчас: что это за сущность, статус которой они намерены определить? Запрещённый в России ультраправый батальон «Азов», от которого действующее украинское руководство давно неотличимо? Сообщество политических деятелей, существующих на гранты из США и Евросоюза?

Россия **потребовала** от Киева выдать лиц, причастных к организации террористических актов на российской территории, указав, что следы от чудовищного **теракта** в «Крокус сити холле» ведут на Украину. На днях глава Службы безопасности Украины Василий Малюк **раскрыл** детали терактов в России, не оставив сомнений, что эта спецслужба причастна к их организации. Игнорировать это, говоря о «статусе Украины» и самой перспективе переговоров, будет невозможно.

Тяжёлая нравственная и политическая ответственность ложится и на Запад, который годами и десятилетиями поддерживал и поощрял именно такую Украину.

Необходимое условие для любых переговоров – понимать, что говорит потенциальный собеседник. Ту дискуссию о европейской безопасности, которая завершилась два года назад, сильно отравляла западная вообще и европейская в частности неспособность просто даже корректно пересказать, что именно говорит Россия. Любое заявление России моментально обрастало интерпретациями, и дальше

на Западе обсуждали уже не то, что говорит Россия, а лишь свои собственные истолкования её слов.

Это, наверное, для западных наблюдателей прозвучит неожиданно, но Россия не ставила цель уничтожения украинской государственности (хотя президент **предупредил**, что продолжение нынешнего курса Киева может нанести этой государственности непоправимый ущерб). Россия согласовала с Киевом ключевые параметры урегулирования весной 2022 года в Стамбуле, они известны почти во всех деталях. Никакой реакции с Запада на стамбульский проект соглашения нет. Россия неоднократно в последние месяцы заявляла, какими она видит условия для переговоров. В ответ на Западе повторяют, что Россия **не хочет** переговоров или прямо называют призывы к переговорам **«бессмысленными»** (“pointless”). Россия неоднократно, подробно и на разных уровнях **излагала** причины, по которым она не намерена вести с США диалог о стратегической стабильности в условиях, когда Вашингтон проводит враждебный по отношению к ней курс. Нет, говорят нам, не разбирая эти причины, сделайте-ка вы *re-compartmentalization*, то есть отделите разговор о ядерном оружии от всего остального в российско-американских отношениях – как хотят США. Ну, мол, ради «доброй воли».

Порядок средневекового богословского диспута – одного из источников европейской и в целом западной рациональности – предполагал, что нужно сначала точно воспроизвести аргументы оппонента, а потом опровергать их. Мы унаследовали это в виде обзора литературы в наших академических статьях. Искать у собеседника понимания, начиная с демонстрации того, что не знаешь его позицию, – прежде всего, нерационально. Но пока на Западе могут расслышать только гром пушек.

Впервые опубликовано Международным дискуссионным клубом "Валдай": Силаев Н.Ю. Пушки слышно лучше. *Международный дискуссионный клуб "Валдай"*. 04.04.24. <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pushki-slyshno-luchshe/>

Источник: **Пушки слышно лучше**

ОБ АВТОРЕ

Николай Силаев

Старший эксперт

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Кавказ, Украина, СНГ

Область экспертизы: Ведущий российский специалист в области международных конфликтов на постсоветском пространстве. Эксперт по вопросам демографических, экономических и административно-правовых аспектов интеграции Северного Кавказа. Специализируется на внешней политике России и отношениям со странами СНГ.

Профессиональный опыт: Старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, старший научный сотрудник Лаборатории анализа международных проблем МГИМО МИД России. В прошлом редактор отдела политики журналов «Профиль» и «Эксперт». Соавтор коллективной монографии «Россия и мир в 2020 году» и ежегодного прогноза «Международные угрозы».

